

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Л.М. ДРОБИЖЕВА

Политика интеграции полиэтнического российского общества в доктринальных документах, политологическом дискурсе и массовом сознании

В статье рассматривается разработка и реализация политики интеграции российских народов и адаптации мигрантов через формирование российской политической нации, гражданского самосознания. Представлен сложный путь принятия консенсусных решений от Конституции 1993 г. до Стратегии государственной национальной политики и внесенных в нее изменений в декабре 2018 г. Показаны дебаты и основные контрверсии политики в отношении российской нации и гражданской идентичности со стороны либеральных политиков, националистов и сторонников консенсусных решений. На основе репрезентативных мониторинговых социологических исследований – RLMS-HSE и Института социологии ФНИСЦ РАН 2005–2018 гг. показано, – на каких представлениях россиян базируется российская гражданская идентичность. Утверждается, что она не является альтернативой позитивной этнической идентичности, а совмещающейся с ней. Анализируется, какие политические идеологии могут найти поддержку на основе массовых настроений. Сделаны выводы о направлениях совершенствования политики в отношении этничности и межэтнических отношений.

Ключевые слова: политика интеграции, многонациональный российский народ (политическая нация), Стратегия государственной национальной политики, государственная идентичность, гражданская идентичность, мультикультурализм.

DOI: 10.31857/S086904990005821-5

Стимулом к написанию данной статьи стало опубликование Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. с внесенными в нее изменениями Указом Президента РФ от 19 декабря 2018 г., а также появление статей Э. Паина [Паин 2017] и Д. Дуброва с Д. Григорьевым [Дубров, Григорьев 2019], сравнение их с результатами проведенных в стране репрезентативных социологических исследований.

Статья Паина была опубликована накануне обсуждения возможных дополнений и изменений в принятую в 2012 г. Стратегию государственной национальной политики. Как и в других своих выступлениях, он в позитивном смысле отмечает, что в этом документе впервые в практике российского государственного управления появилось понятие “российская нация” как политическая категория. Критика его состоит в том, что термин

Дробижева Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор-исследователь Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: Москва, 109544, ул. Кржижановского, д. 24/35, стр. 5. E-mail: drobizophova@yandex.ru

“нация” используется не только в значении политической нации, но и этнокультурной. Паин считает необходимым отразить в Стратегии специфику формируемой политической нации с учетом особенностей нашего государства и общества. Эта особенность, по его мнению, состоит в том, что в нашем государстве проблема не только в интеграции мигрантов, но и в гармонизации отношений между автохтонными народами [Пайн 2017].

Особенность таких полизитнических государств, как наше, еще и в том, что в разных народах, их составляющих, развитие политической нации происходит не одновременно, разные этапы этого процесса у них не синхронизированы, поскольку каждый народ имеет свои этнические и религиозные идентичности, традиции, свой уровень развития гражданской культуры. При этом все, будучи гражданами одного государства, должны признать единство его базовых общеполитических норм [Пайн 2017]. В целом в данной статье поставлены наиболее существенные вопросы, требующие разъяснения и обсуждения при реализации государственной национальной политики. В той или иной форме часть из них обсуждалась на Научном совете при Президиуме АН РАН при подготовке корректировки Стратегии государственной национальной политики в 2018 г.

Но при коллективных обсуждениях высказываются часто совсем противоположные мнения. Нередко они бывают связаны не только с разными идеологиями, но и с позициями, традиционно присущими разным научным дисциплинам. Статья Дуброва и Григорьева это показала со всей очевидностью. Ее публикация, на мой взгляд, очень важна, так как дает повод для обсуждения сквозных проблем, информирует общество о том, как смотрят на них представители разных дисциплин. Упомянутые авторы представили осмысление проблемы поддержания единства в полизитнических общинах зарубежными учеными глазами социальных психологов. Авторы делают вывод, что для обсуждения темы применимости той или иной идеологии или их сочетания в России необходимы исследования именно российского проекта [Дубров, Григорьев 2019].

Поскольку уже известны такие исследования, которые проводились на основе той или иной западной концепции без учета политики в нашем государстве и опыта уже проведенных исследований, мне представляется целесообразным представить концепции интеграции российско-полизитнического пространства (или, по выражению Дуброва и Григорьева, “межгрупповой идеологии”) прежде всего через формирование гражданской идентичности политической нации. Разумеется, с учетом всех трудностей ее продвижения в доктринальном поле и основываясь на некоторых результатах социально-политической практики.

В основу анализа положены государственные документы и результаты социологических исследований, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2014–2018 гг.¹ Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) в 2005–2018 гг. (<https://www.hse.ru/rilms/spss>) и Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН 2014–2018 гг.².

О разработке концептуальных подходов к интеграции в России

О концептуальных подходах к интеграции культурно сложного полизитнического российского пространства думали уже в начале 1990-х гг. при разработке Конституции РФ 1993 г. В ней говорилось, что источником власти, “носителем суверенитета” в Российской Федерации является ее “многонациональный народ” (ст. 3, п. 1). В тексте содержались смыслы, которые давали основание трактовать гражданскую идентичность, отража-

¹ Проект “Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах” (руководитель – М. Горшков). Автор статьи отвечала за раздел проекта по этничности и идентичности. Выборка составляла 4000 единиц наблюдения в 19 субъектах РФ.

² Проект “Ресурс межэтнического согласия и консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии” (руководитель – Л. Дробижева). В каждом субъекте Федерации территориальная, трехступенчатая, вероятностная выборка включала 1000–1200 единиц наблюдения. Методы сбора информации – индивидуальные интервью по месту проживания.

ющую эту общность: утверждались “права и свободы человека”, гражданский мир и согласие, незыблемость демократической основы России, “ответственность за свою Родину перед нынешними и будущими поколениями”. То есть те принципы, которые входят в понимание идентичности политической нации, интегрирующей культурносложную полизтическую общность. В Конституции уже не было деления субъектов Федерации на национально-государственные и административно-территориальные. Ее преамбула давала основание трактовать “многонациональный народ” как российскую нацию. Понятие народ осталось тогда в Конституции как термин, имеющий двойные смыслы, – народ как этнокультурная общность и народ как согражданство.

Затем, в 1996 г., была принята Концепция государственной национальной политики. Это был консенсусный документ, который одобрили и все субъекты Федерации, и общественные организации, и комитеты Государственной думы, носивший ориентирующий характер. В нем не содержалось понятия политической нации, но он оставлял некоторое пространство для гражданского нациестроительства. Ориентация задавалась на реализацию гражданами страны своих социальных и политических прав через культурные организации, но не на культурный изоляционизм, сдерживающий социально-экономическое модернизационное развитие. При этом открывалась возможность самовыражения для людей разной этничности через развитие не только этнокультурных, но и многокультурных организаций (общественные организации типа Ассамблея народов России, народов Кавказа и др.).

Реализацией Концепции занимались федеральные органы и учреждения субъектов Федерации, но широко об этом в публичном пространстве, прямо скажем, говорили мало. Потому люди в большинстве своем о том, что в стране проводится такая работа, не знали (судя по опросам Отдела этносоциологии Института социологии РАН, в регионах в 2010–2012 гг. об НКО знали не более 2–4% населения). Между тем среди ученых существовало мнение о желательности принятия либо специальной декларации, либо закона с четким изложением политики государства в отношении этничности и интеграции общества. А этнические активисты на конференциях и общественных собраниях говорили о необходимости такого документа. Они ожидали подтверждения признания их идентичности и сохранения Федерации.

Институты власти имели, естественно, больше возможностей стимулирования данного направления политики, и такие попытки предпринимались. В Государственной думе в начале 2000-х гг. готовился Закон “Об основах государственной национальной политики”. Первый его вариант был подготовлен в 2003 г. (http://www.lawmix.ru/law_project.php?id=14582). В нем подтверждалось равенство прав граждан и народов Российской Федерации на национальное (по смыслу – этнокультурное) развитие и просматривалась этническая доминанта. После обсуждения в 2006 г. закон был дополнен новыми идеями. В нем, в частности, говорилось, что он принимается “в целях обеспечения единства и целостности Российской Федерации, согласования общегосударственных интересов и интересов народов Российской Федерации, утверждения общероссийской идентичности – российской нации”. В законодательное пространство предлагалось ввести не просто смыслы, но и понятие “российская нация”, которая определялась как “историческая социально-политическая общность многонационального народа России с общей исторической судьбой, совместной сознательной деятельностью по укреплению единого государства”. В этом определении осталась неоднозначность и прочитывался смысл – “народ для государства”, а не государство для служения народу, что характеризует политические нации демократического государства. После доработки проект стал называться “Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений” (http://www.lawmix.ru/law_project.php?id=14582). В нем смысл гражданской нации был усилен. Но тогда закон Государственной думой принят не был.

Исторически обусловленная скомбинированность коллективной идентичности, неоднозначность толкования понятия “общероссийской нации” давали основание для развития разных направлений в политическом дискурсе. Высказывались, например, идеи

формирования гражданской нации на основе складывания нации-государства³. Были политологи (М. Ремизов), которые эту идею выражали через термин государство-цивилизация: “Для России политico-культурной моделью является модель государства цивилизации... Россия складывалась не как гражданская нация... Российская нация есть общность тех, кто причастен к делу государственного и цивилизационного строительства России. Русский народ является органическим ядром этой общности, а коренные народы, лояльные России, – ее полноправными участниками” (<http://www.intelros.org/drevo/remizov1.htm>).

В 2007 г. Центр социально-консервативной политики по инициативе И. Демушкина, Н. Исаева, В. Легойды предложил “Русский проект”, в котором под русскими понимались “все граждане России, которые сплачиваются вокруг государственной власти”. В нем подчеркивалось, что надо “заставить государство работать в интересах... русского народа, не обижая другие народы” (http://www.qwas.ru/russia/edinros/id_46726/). Возможно, эти идеи выдвигались тогда для привлечения избирателей в период выборов в Государственную думу, поскольку после выборов они больше не озвучивались Единой Россией.

Учеными в политологии и социальных дисциплинах разрабатывалось понятие политической нации в гражданском смысле как интегрирующее сообщество граждан страны [Пайн 2004]. В. Тишков – инициатор введения в публичное пространство термина “российская нация”, который в силу исторических обстоятельств давал скомбинированное понимание нашей коллективной идентичности, считал, что принятие такого термина отнюдь не отрицает существование русского, татарского, якутского и многих других народов страны. По его мнению, важно, чтобы эта общность была признана как основополагающая и легитимирующая страну как национальное государство [Тишков 2007].

Нельзя не отметить, что идеи интеграции гражданского общества в многокультурном российском социуме присутствовали. Но, как анализируя мировое пространство заметил Р. Брубейкер, интегрирующие дискурсы и политические практики могут расходиться в зависимости от целей, которые общество и власть ставят в каждой исторической ситуации [Brubaker 2011].

Известным толчком, побудившим власть точнее определить политику в сфере межэтнических отношений, стали события 11 декабря 2010 г. на Манежной площади в Москве. Поводом для массового выступления молодежи стало убийство болельщика “Спартака” Е. Свиридова выходцем из Кабардино-Балкарии, который сразу был отпущен без следствия с использованием коррупционных методов. Массовый митинг, собравший до 5 тыс. человек с антикавказскими лозунгами, стал тревожным событием. Бывший тогда Председателем Правительства РФ В. Путин посетил вместе с представителями фанатских движений могилу убитого болельщика. В его речи звучали слова не только о многонациональной единой России, но и об обязанности приезжих, в том числе с Северного Кавказа, “уважать местные обычаи, местную культуру, местные традиции и местные законы” (<http://archive.premier.gov.ru/events/news/13490/>).

Эти события стали предметом обсуждения на первом же после них заседании Государственного совета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики (27 декабря 2010 г.). А 11 февраля 2011 г. в Уфе прошло заседание Президиума Государственного совета, где в выступлении Президента РФ Д. Медведева четко прозвучала определенно сформулированная цель: “создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну”. Реагируя на рассуждения, связанные с высказываниями А. Меркель и Д. Кэмерона о политике мультикультурализма, Медведев тогда сказал: “...в Европе стало модно говорить о крахе политики мультикультурализма. Дескать это не тот курс, который направлен на гармоничное развитие разных культур в одной стране, где существует ведущий этнос; это бессмысленно делать; лучше, чтобы все культуры развивались только в русле традиций и ценностей ве-

³ Они озвучивались, в частности, во время дебатов на обсуждениях в фонде “Либеральная миссия” (<http://www.liberal.ru/articles/vcat/>).

дущего этноса. Я считаю, что для нашей страны это было бы весьма существенным упрощением, несмотря на колossalную роль, которую имеет русская культура” (<http://kremlin.ru/events/president/news/10312>).

Как известно, к важнейшим принципам мультикультурализма относятся: признание культурного плюрализма как нормы современного демократического общества; гарантии индивидам и группам сохранения культурной идентичности и особенностей; недопущение дискриминации по культурным различиям и государственное и общественное противодействие ксенофобии [Терборн 2001]. Эти принципы при всей динамике отношения к мультикультурализму никто не отменял. Права меньшинств закреплены международными документами: Рамочной Конвенцией о защите национальных меньшинств (1995 г.), Лундскими рекомендациями Совета Европы (1999 г.) и другими. Присоединение к ним стран ЕС, как писал Паин, привело к тому, что те или иные черты мультикультурализма стали для этих стран общими [Пайн 2017]. Он, по опыту работы в Администрации Президента РФ в 1990-х гг. пишет, что модель мультикультурализма обсуждалась в России и к этому нас обязывала ратификация в 1998 г. Рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств. Но наша особенность состоит еще и в том, что народы, которые имеют административно-территориальные образования и представительных делегатов в органах власти (например, татары, башкиры, чеченцы, якуты), к меньшинствам мы не относим. Так что разъяснения Медведева в феврале 2011 г. в его выступлении в Уфе имели все правовые основания.

Напомню, что политика мультикультурализма реализовывалась в Канаде, Австралии, Швеции, Великобритании и Нидерландах в 1970–1980-е гг. со своими страновыми вариантами и имела содержательную динамику. Уже к 1990-м гг. вместо акцента на особый статус меньшинств правовые нормы подчеркивали равенство их статуса с представителями большинства. И, что особенно важно: этническая, языковая, религиозная принадлежность стали восприниматься как свободно выбираемые гражданами, а не неотъемлемые свойства индивида и группы.

Реагируя на критику мультикультурализма, премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон на международной конференции в Мюнхене 5 февраля 2011 г. говорил, что их не беспокоит наличие в едином государстве разных культур. Этого не избежать в условиях глобализации. Проблема же в том, что у части “новых британцев” нет британской гражданской идентичности. Не связанная друг с другом жизнь различных культур ослабляет коллективную идентичность (<https://lenta.ru/articles/2011/02/07/cameron/>).

Таким образом, при всех исторически обусловленных особенностях, общестрановая гражданская идентичность как объединяющий фактор является заботой государств, а гуманистические принципы мультикультурализма и сейчас позитивно оцениваются экспертами [Eckehart 2017; Meer, Modood, Zapata-Barrero 2016]. Упоминаемые выше Дубров и Григорьев, изучавшие западные интергрупповые идеологии с точки зрения межгруппового контакта, тоже отметили, что мультикультурализму присущи позитивные установки [Дубров, Григорьев 2019].

Отечественные ученые были знакомы с западными моделями. Они учитывали концепции М. Вебера о массовых убеждениях, коммуникативные и ценностно-нормативные концепции К. Дейча и Т. Парсонса, конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана, опиравшийся на антропологические работы К. Маркса и “феноменологию жизненного мира” Э. Гуссерля и А. Шюца, наконец, работы У. Кимлики и Ч. Тейлора, подход к этничности Р. Брубейкера [Weber 1968; Deutsch 1969; Parsons 1991; Брубейкер 2012; Интервью... 2002].

В публичном пространстве озвучивалось мнение лидеров национальных республик. Так, на заседании Государственного совета в Уфе тогда глава Саха (Якутии) Е. Борисов говорил, что “формирование российской нации как гражданской общности многонационального народа Российской Федерации развивается пока в вялотекущем режиме... не разработана технология консолидации российской нации” (<http://www.lsn.ru/45698.html>). Глава Башкортостана Р. Хамитов акцентировал внимание

на том, что “межнациональные противоречия есть продолжение экономических и социальных задач” (https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/3158.html?phrase_id=2027043).

В то же время надо было учитывать общественные настроения большинства. В начале второго десятилетия 2000-х гг. у русских не исчезло ощущение потерь за постсоветское время. По опросам Института социологии РАН, в 2011 г. 64% русских присоединялись к мнению “люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет” (среди других национальностей этого мнения придерживались 44%). Доля тех, кто считали, что “Россия должна быть государством русских людей”, была небольшой – 14%, но тех, кто считали, что “Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу народа”, было 31%, и доля таких респондентов увеличилась вдвое с 1995 г. [Горшков, Крумм, Петухов, Бызов 2011].

Тема русских чаще становилась предметом обсуждения у националистов. Но перед выборами в Государственную думу эту тему поднимали и ЛДПР, и Патриоты России, и КПРФ, призывая русских осознать свою объединяющую роль в многонациональном отечестве. Показательным стало приглашение в “Объединенный народный фронт” Д. Рогозина, в прошлом – лидера “Родины”.

Партия власти в программном документе русскую тему не затрагивала. Но в предвыборный период в 2012 г. Путин выступил в “Независимой газете” со статьей “Россия: национальный вопрос”, где посчитал важным высказаться по острым вопросам. Он писал: “Одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие”. Отметил, что мультикультурализм отрицает интеграцию через ассимиляцию, возводит в абсолют “право меньшинства на отличие” и “недостаточно уравновешивает это право гражданскими, поведенческими и культурными обязанностями по отношению к коренному населению и обществу в целом”. Осуждалась политика “принуждения к ассимиляции” и, одновременно, обособленность “национальных меньшинств”. Отвечая политикам русского приоритета, Путин высказался о несостоятельности модели “национального государства”, строящегося на основе этнической идентичности. “Россия возникала и веками развивалась как многонациональное государство”. Однако в то же время писал о “великой миссии русских – объединять, скреплять”, назвал русский народ “государство-образующим – по факту существования России” [Путин 2012].

Я подробно остановилась на этой статье Путина не только потому, что она входила в цикл его предвыборных публикаций, но потому, что в ней он изложил свое видение политики в сфере межэтнических отношений после неформальной встречи с футбольными фанатами 19 января 2012 г., и мнений, высказанных представителями регионов на Государственном собрании (декабрь 2011) в Уфе. Слова о том, что мы будем укреплять наше государство, которое “способно органично решать задачу интеграции различных этносов и конфессий” [Путин 2012], были ориентацией на практические действия, которые после завершения выборного процесса стали воплощаться в жизнь.

Реализация политики в сфере межэтнических отношений

В 2012 г. был создан Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям. В него вошли представители как институтов власти, так и общественных объединений, основных конфессий, ученые, журналисты. Этим демонстрировалось намерение осуществлять политику в сфере межэтнических отношений через координацию деятельности институтов власти и гражданского общества. Президент РФ поручил разработать Стратегию государственной национальной политики на период до 2015 г. Она была подготовлена, прошла широкое обсуждение как в регионах, так и с представителями общественных объединений. В ходе работы над документом было получено более трех тысяч предложений. Окончательный вариант Стратегии был подписан Президентом 19 декабря 2012 г. В нем формулировались направления национальной политики и конкретные меры

по руководству к действию соответствующих структур. Документ носил консенсусный характер, но при этом имел общегражданскую направленность. Важнейшим его положением было “укрепление гражданского самосознания и духовного единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)”.

Политика гражданства совмещалась с сохранением и поддержкой культурного и языкового разнообразия в Российской Федерации, а российская гражданская идентичность не противопоставлялась этнической. Как специальные направления выделялись политика укрепления мира и согласия, гармонизации межэтнических (межнациональных) отношений, адаптации и интеграции мигрантов, отмечалась объединяющая роль русского народа. Это принципиальное направление политики сохранилось и после внесения изменений в Стратегию Указом Президента РФ от 06 декабря 2018 г. (№703).

Для людей разной этничности имели значение цели Стратегии, сформулированные в новой редакции, среди них – обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление целостности Федерации и сохранение этнокультурной самобытности ее народов. Целью Стратегии является координация деятельности органов власти всех уровней и их взаимодействие с институтами гражданского общества. В ней прямо отмечено, что “Стратегия основывается на принципах демократического федеративного государства”.

В качестве новаций важно отметить внесение в Стратегию основных понятий, присущих современному толкованию проблемы межнациональных отношений. Они усиливали гражданскую направленность политики. Было дано определение понятия российской нации, вокруг которого шли споры и накануне принятия Стратегии, и во время обсуждения поправок к ней.

Сторонники историко-культурной доминанты в представлении о российской общности полагали, что “ожидать лояльности и патриотизма на основе Конституции (1993 г.), правовых норм, отношения граждан к судам, как это предполагает гражданская нация, нереально”. Политолог М. Ремизов, солидаризировавшийся с нерадикальными русскими националистами (в частности, с Е. Холмогоровым), считал, что единство нашего общества основано на русской культуре, русском языке и исторической памяти. Основу “патриотической лояльности” не могут создать государство и территория, они меняются. Он говорил, что гражданство Российской Федерации существует с 1991 г., территория – это “осколок Советского Союза”, в то время как культура, история (имелись в виду русская культура и язык) соединяют поколения людей разных национальностей⁴. Высказывалось мнение, что российская нация не может сыграть консолидирующую роль, ей противопоставлялась русская нация как основа национального государства (<https://www.kommersant.ru/doc/3235995>).

Противоположную позицию занимали специалисты, знающие мировую практику понимания гражданской нации, которые не находили ее в Стратегии и предлагали вообще отказаться от термина “нация” в этнокультурном значении. Эти мнения высказывались на обсуждении изменений, которые предлагали внести в Стратегию на Научном Совете по проблемам этничности и межэтнических отношений при Президиуме РАН.

Коллективом под руководством И. Семененко в 2017 г. было опубликовано энциклопедическое издание “Идентичность: личность, общество, политика”. В нем говорилось, что гражданская идентичность проявляется в приверженности граждан принципам и нормам правового государства и демократического политического представительства, осознании своих гражданских прав и обязанностей, ответственности, свободы личности, признании приоритета общественных интересов перед узкогрупповыми. Эти составляющие определяют качества политической нации, от которых зависит жизнеспособность общества и состояние государства [Идентичность… 2017]. Естественно, выраженность этих составляющих зависит в каждом государстве от объективных и субъективных факторов.

⁴ Выпуск передачи “Что делать” на телеканале “Культура” от 12 декабря 2016 г. «Нужен ли закон о “российской нации” народам России и русскому народу в частности».

Эти дебаты нашли отражение в измененном тексте Стратегии. Так, в пункт 4 были внесены дополнения, используемые для целей Стратегии. Национальная политика определялась как система стратегических приоритетов и мер, “направленных на укрепление межнационального согласия, гражданского единства, обеспечения поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации”. Дано определение российской нации как сообщества свободных равноправных граждан РФ различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, “обладающих гражданским самосознанием”.

Гражданское единство названо основой российской нации и здесь же говорится о признании “равных прав на социальное и культурное развитие, на доступ к социальным и культурным ценностям, солидарность граждан в достижении целей и решении задач развития общества”. Отмечу, что эти требования и цели чаще всего назывались во время социологических опросов в разных концах страны [Межнациональное согласие... 2018]. И далее в определениях понятий раскрывается содержание общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) как “осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества”.

Как видим, определения в новой редакции Стратегии даны в соответствии с научным подходом и опираясь на Конституцию РФ и принятыми на себя нашей страной международными обязательствами. Вместе с тем Стратегия – документ консенсусный. И в ее разделе II “Современное состояние межнациональных (межэтнических) отношений” пункт 11 дополнен следующим положением: “Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию”. Правда, далее поясняется, что единый культурный (цивилизационный) код включает в себя “историческое и культурное наследие всех народов Российской Федерации и вместе с общечеловеческими принципами лучшие достижения народов интегрированы в единую российскую культуру”. К сожалению, последнее понятие у нас практически пока не разработано. Но очевидно, что в данном тексте содержится представление о культурной составляющей российской идентичности.

Важно помнить, что российская идентичность – многосоставная. Это и самоотнесение, отождествление себя с общностью российских граждан, и определенные эмоции, переживания, и регулятивный компонент – готовность действовать. Причем готовность действовать, ответственность как раз более всего соответствуют гражданской идентичности.

Потому важно проверить, какие составляющие российской идентичности присутствуют в массовом сознании современных россиян, каким понимают они свое государство.

Консолидирующие представления в массовом сознании

Исторический психолог Б. Поршинев еще в 1970-е гг. обратил внимание на то, что субъективно реально существующие общности конституируются путем отличения от других общностей, групп людей вовне, обозначая “мы – они” и одновременно уподобления в чем-то друг друга внутри [Поршинев 1979]. В социологических исследованиях, на материалы которых я опираюсь, предметом исследования был вопрос: насколько в каждый исторический период и в конкретной ситуации российская гражданская идентичность формируется за счет отличия, противопоставления себя другим, и одновременно, что является основой взаимопрятяжения, сплочения. С точки зрения социальной психологии в изучении идентичности я исхожу из идей о стратегии самоотождествления, включенности ее в социальные контексты, ценности, важности идеологии, о межгрупповых сравнениях, о разной интенсивности и распространенности групповой идентичности в повседневной практике (см., например, [Erikson 1995; Mead 1934; Tajfel, Turner 1986; Брубейкер 2012]).

Данные представительных опросов показывают, что российская идентичность динамична и входит в число наиболее массовых коллективных идентичностей. Вот данные

наиболее представительного исследования, которое дает возможность проследить изменения за 2005–2018 гг. Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS – HSE) (см. табл.)

Таблица

**Динамика гражданской идентичности среди других коллективных идентичностей.
Ответы на вопрос: «О ком вы можете сказать: “Это мы”?»
(сумма ответов “часто” и “иногда”) (в %)**

Ощущение связи, единства	2005 г.	2015 г.	2018 г.
С людьми вашего поколения	94	95	96
С людьми той же профессии, рода занятий	87	88	88
Со всеми гражданами России	65	75	79
С жителями края, республики, области	74	81	84
С теми, кто живут в том же городе, селе	89	90	92
С людьми вашей национальности	85	91	91
С людьми того же достатка, что и вы	87	88	91
С людьми, близкими вам по политическим взглядам	60	68	74

Как видим, российская гражданская идентичность оказалась самой динамичной. С 2005 г. соответствующие показатели выросли на 15 процентных пунктов, в то время как самая распространенная идентичность по поколениям, локальностям, этничности выросла на 2, 3, 6 процентных пункта, соответственно. При этом интенсивность российской идентичности не столь высока (часто ассоциируют себя с гражданами России 26–28%), как поколенческая, профессиональная, этническая (62–48%). Это вполне понятно, поскольку сравнивать нас с другими народами и странами человеку приходится реже, чем с людьми другой профессии, с молодыми и пожилыми.

Тем не менее на волне роста патриотизма, связанного с присоединением Крыма, дальнейшими событиями на Украине, а также введения санкций против России, опросы ВЦИОМ в 2017 г. показывали, что с гражданами России себя ассоциируют 84%, а часто ощущали такую связь 36%. В регионах российская идентичность различалась. В республиках, где в 1990-е гг. наблюдалась высокая этнорегиональная консолидация (Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия)) в 2017–2018 гг. по нашим совместным исследованиям российская идентичность была у 80% респондентов или чуть выше. А на Юге – в Кабардино-Балкарии, Адыгее по данным Южного федерального университета – у 60–71% респондентов.

Ассоциированность с россиянами, российским государством зависит от степени удовлетворенности населения своей жизнью, материальным положением, деятельностью федеральной и местной власти. Так, обсуждение и принятие решений о пенсионной реформе повлияли не только на рейтинги доверия к власти, но и на идентификацию с государством. Колебания в идентификации были заметны в ходе социологических опросов. Это отражалось и в мониторинговых социологических опросах. Так, в рамках проекта Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством М. Горшкова в 2017 г. с гражданами России идентифицировали себя 92% респондентов. Российская идентичность в массиве с доминирующим русским большинством стала чуть заметнее этнической (88%). Опросы же второй половины 2018 г. по этому проекту показали, что с гражданами России стали ассоциировать себя 74%, примерно столько же, сколько в 2015 г. [Дробижева 2018].

Идентификация с государством (его законами, правовыми нормами) – существенная составляющая гражданской идентичности. Этот теоретический вывод подтверждается результатами опросов. В 2012–2019 гг. нами было проведено несколько исследований о факторах идентификации с гражданами России и этничностью. Общероссийские данные мы получили в ходе упомянутого мониторингового исследования Института социологии РАН в 2015 г. При идентификации с гражданами России люди, прежде всего, называли

общее государство – 60%, затем территории – 54%, государственный русский язык – 49%, общую культуру (праздники, литература, искусство) – 37–47%, пережитые исторические события – 47%, ответственность за дела в стране – 29–30%. В республиках идентификация с государством отмечалась еще чаще – до 80%, поскольку там у людей, этничность которых совпадает с названием субъекта Федерации, есть также свои культура и история, а не только общие для всех россиян культурные, исторические и другие аспекты идентификации.

Идентифицируя же себя по этничности, люди на первое место ставят язык и культуру (например, в Татарстане определяют себя как русских и татар 70–82%), затем религию (48–54%), государство здесь отмечают 35–34% [Гражданская... 2013]. То есть ассоциированность по государству в этнической идентичности не первостепенна, но у русских она выше.

В Саха (Якутии) и якуты идентифицировали себя по языку (84%) и культуре (75%), русские – 63%, 57%, соответственно; и по государству 30% якутов, 37% русских (данные опросов 2019 г. Института социологии ФНИСЦ РАН и Информационного центра при Главе республики Саха (Якутия).

И общероссийские, и региональные данные показывают, что на культуре, языке прежде всего основывается этническая идентичность. Российская гражданская идентичность ассоциируется с государством, территорией, а около половины ответов набирают такие индикаторы, как государственный язык и культура, символы, праздники. Таким образом, представления о доминанте русской культуры, которая объединяет людей разной этничности в гражданское политическое сообщество, не находят подтверждения в массовом сознании.

Она, конечно, имеет значение. И во время глубинных интервью, на круглых столах ее называют объединяющим фактором. Но также ставят и вопрос о том, что для общероссийской идентичности важна объединенная база культуры, типа общесоветской. Однако в последней важное место занимала советская идеология. Сейчас такой общей идеологии нет. Правда, есть какие-то базовые ценности. Если исходить из данных социологических опросов, то на современном этапе это: “равенство всех перед законом” (по разным территориям набирает от 75% до 92%); “обеспечение порядка и стабильности в обществе” (54–74%); “свобода – то, без чего жизнь теряет смысл” (57–71%); “уважительное отношение к достоинству любого человека” (44–68%); справедливость, важной характеристикой которой люди считают равенство возможностей (55–56%) [Межнациональное ... 2016].

В целом же вопрос о формировании общероссийской культуры как индикатора гражданской идентичности пока остается неразработанным. Полагаю, что в ней важное место должна занять политическая культура – участие в выборах органов власти всех уровней, гражданское участие в общественных объединениях, в принятии общегосударственных решений, гражданская активность – волонтерское движение и т.д. Естественно, в нее войдут и произведения литературы, искусства, историческое наследие, которые несут идеи согласия, гуманизма, справедливости.

Принятие изменений в Стратегию государственной национальной политики стало еще одним шагом в раскрытии ее определенности. Это не только формулировки понятий. Очевиднее стала ориентация на укрепление российской политической нации, гражданского самосознания. Остался консенсусный характер политики. Отсюда – сохранение формулировки политической нации как многонационального народа РФ. Этим снималась альтернативность, противопоставление российской гражданской идентичности и идентичности этнической. Выступая на Валдайском форуме 2018 г., Путин говорил: “Россия изначально, с первых своих шагов складывалась как многонациональное государство... Мы хотим быть русскими, татарами, евреями... мордвой и так далее... Зачем же нам размываться? Мы этим дорожим и должны об этом говорить...” (<https://aftershock.news/?q=node/692947&full>).

Общероссийская идентичность понимается в Стратегии в гражданском смысле с акцентом на ассоциативность с государством, но говорится об ответственности за дела в стране, то есть с гражданским участием. Понимания российской идентичности как доминантно культурно-исторической общности в тексте нет. Но есть положение о доминанте русской культуры, что в какой-то мере отражает представление тех идеологов, которые хотели бы видеть российскую нацию как общность государства русских.

Государственные документы создаются для их реализации. Но реально осуществить их можно, если для этого есть основания – готовность общества воспринимать декларируемое. Результаты представленных социологических опросов показали, что определения “общероссийская гражданская идентичность”, “российская гражданская идентичность” введены не случайно. В исторических сложившихся представлениях людей это многосоставная идентичность – не только гражданская, но и страновая, государственная, историко-культурная общность. Именно многослойность и отражается в ответах людей о причинах их отождествления себя с гражданами России.

И общероссийские опросы, в которых большинство составляют русские, и опросы в республиках среди народов, дающих им названия, и русских показывают, что идеологии, представляющие российскую идентичность как опирающуюся только на историко-культурное основание, не имеют поддержки в массовом сознании. При всех ностальгических настроениях критика прошлого (сначала советской идеологии, а затем перестроечной поры) оставила слишком большой след, сохранив в памяти поколений лишь критически осмыслившие гуманистические ценности и произведения искусства, литературы. Культурное основание гражданской идентичности ждет своего формирования за счет освоения гражданами политической культуры, связанной с развитием гражданского общества, и интеграции русской культуры и культур российских народов.

Эффективность интеграции поликультурных, полигэтнических обществ достигается при балансе целей и подходов групп интересов с соблюдением ограничений каждого из них. Баланс, найденный в обновленной Стратегии государственной национальной политики, отражает современный уровень состояния российского общества. Отсутствие солидарности в признании принципов мультикультурализма (с элиминированием закрытости групп) и учета интересов большинства компенсируется соблюдением общих правил и норм, общей заинтересованностью в поддержании стабильности и предупреждении экстремизма и конфликтов. Известным отражением такого баланса, воспринимаемым обществом, могут служить ответы на два вопроса: На вопрос “Следует ли государству поддерживать культуру и религию русских?”, положительный ответ в 2017 г. дали 63% (среди русских – 65%). В то же время 74% (72% – русских) положительно ответили на вопрос “Следует ли государству поддерживать культуру и религии всех народов России”. Важно, что 86–93% россиян по опросам 2011–2017 гг. считали, что насилие в многонациональных спорах недопустимо [Двадцать пять лет... 2018].

Идея развития гражданской нации применима в целом для страны. Но на уровне конкретных территорий – республик, областей и краев с разным уровнем полигэтничности и притоков иммигрантов – она нуждается в конкретизации, учитывая вывод о неальтернативности гражданской идентичности и позитивной этнической идентичности, более того – их совместимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брубейкер Р. (2012) Этничность без групп. М.: Изд. Дом ВШЭ.
- Горшков М.К., Крумм Р., Петухов В.В., Бызов Л.Г. (2011) Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М.: Весь Мир.
- Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра (2013) Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа (2018) Отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир.
- Дробижева Л.М. (2018) Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // ПОЛИС. № 5. С. 100–115.
- Дубров Д.И., Григорьев Д.С. (2019) Современные исследования межгрупповых идеологий: ассимиляционизм, этнический дальтонизм, мультикультурализм, полигэтнический поликультурализм // Общественные науки и современность. № 1. С. 143–155.
- Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание (2017) Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир.

Интервью с профессором Томасом Лукманом (2002) // Журнал социологии и социальной антропологии. № 4. С. 5–14.

Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты (2018) Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН.

Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества (2016) Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН.

Пайн Э.А. (2004) Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство.

Пайн Э.А. (2017) Управление культурным разнообразием: исторические модели и современная политика в сфере регулирования этнополитических отношений // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 77–102.

Поршнев Б.Ф. (1979) Социальная психология и история. М.: Наука.

Путин В.В. (2012) Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012 (http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html).

Терборн Г. (2001) Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. № 1. С. 50–67.

Тишков В.А. (2007) Что есть Россия и Российский народ // Pro et Contra. № 3. С. 21–41.

Brubaker R. (2011) Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States // Ethnic and Racial Studies. Vol. 34. No. 11. Pp. 1785–1814.

Deutsch K. (1969) Nationalism and Its Alternatives. New York: Knopf.

Eckehart M. (2017) How Sweden became multicultural: The Hidden Agenda, the Process, the Lobbyists. Helsingborg, Sweden: Logik Forlag.

Erikson E. (1995) Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things: Selected Papers of Erik H. Erikson 1930–1980 / Ed. by S. Schlein. New York: W.W. Norton & Company.

Mead G.H. (1934) Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago: University of Chicago Press.

Meer N., Modood T., Zapata-Barrero R. (2016) Interculturalism and Multiculturalism. Debating the Dividing Lines. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press.

Parsons T. (1991) The Social System. London: Routledge.

Tajfel H., Turner J. (1986) The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relation. Chicago, Written: Nelson-Hall Publishers. Pp. 277–291.

Weber M. (1968) Economy and Society. New York: Bedminster Press.

The policy of integrating a multi-ethnic Russian society into doctrinal documents, political discourse and mass consciousness

L. DROBIZHEVA*

***Drobizheva Leokadiya** – Dr. Sci. (His.), Chief Researcher, Head of the Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Professor-researcher, National Research University “Higher School of Economics”. Address: b. 24/35, Krzhizhanovskogo st., Moscow, 109544, Russia. E-mail: drobizheva@yandex.ru)

Abstract

The article considers the development and realization of the policy of integration of Russian peoples and the adaptation of migrants through the formation of united Russian political nation and civil identity. We present a complex path of consensus decisions from the signing of the Constitution (1993) to the signing of the Strategy of the State national policy and the corrections made in December 2018. We show the debates and main counter-versions of the policy of the Russian nation and civic identity made by liberal politicians, nationalists and supporters of consensus decisions. Based on representative monitoring sociological research (RLMS-HSE and FNISC RAS, 2005–2018), we argue that Russian civil identity is not an alternative, but compatible positive ethnic identity. We analyze political ideologies, which can find support among people. We made conclusions about the improvement of the policy of ethnicity and inter-ethnic relations.

Keywords: Integration policy, multinational Russian people (political nation), Strategy of State national policy, state identity, civil identity, multiculturalism.

REFERENCES

- Brubaker R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups] Moscow: Izd. Dom HSE.
- Brubaker R. (2011) Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 34, no. 11, pp. 1785–1814.
- Deutsch K. (1969) Nationalism and Its Alternatives. New York: Knopf.
- Drobizheva L.M. (2018) Rossiyskaya identichnost': diskussii v politicheskem prostranstve i dinamika massovogo soznaniya [Russian Identity: Discussions in the Political Space and the Dynamics of Mass Consciousness]. *POLIS*, no. 5, pp. 100–115.
- Dubrov D.I., Grigor'ev D.S. (2019) Sovremennye issledovaniya mezhgruppovyh ideologiy: assimilacionizm, etnicheskiy dal'tonizm, mul'tikul'turalizm, polikul'turalizm [Modern studies of intergroup ideologies: assimilationism, ethnic color blindness, multiculturalism, multiculturalism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp.143–155.
- Dvadcat' pyat' let social'nyh transformaciy v ocenkah i suzheniyah rossyan: opyt sociologicheskogo analiza* (2018) [Twenty-five years of social transformations in assessments and judgments of Russians: the experience of sociological analysis]. Otv. red. M.K. Gorshkov, V.V. Petuhov. Moscow: Ves' Mir.
- Eckehart M. (2017) *How Sweden became multiculture: The Hidden Agenda, the Process, the Lobbyists*. Helsingborg, Sweden: Logik Forlag.
- Erikson E. (1995) *Psychosocial Identity. A Way of Looking at Things: Selected Papers of Erik H. Erikson 1930–1980*. Ed. by Schlein. New York: W.W. Norton & Company.
- Gorshkov M.K., Krumm R., Petuhov V.V., Byzov L.G. (2011) *Dvadcat' let reform glazami rossyan: opyt mnogoletnih sociologicheskikh zamerov* [Twenty years of reform through the eyes of Russians: the experience of long-term sociological measurements]. Moscow: Ves' Mir.
- Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* (2013) [Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow]. Otv. red. L.M. Drobizheva. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya.
- Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie* (2017) [Identity: personality, society, politics. Encyclopedic edition]. Otv. red. I.S. Semenenko. Moscow: Ves' mir.
- Interv'yus professorom Tomasom Lukmanom (2002) [Interview with Professor Thomas Luckmann]. *ZHurnal sociologii i social'noy antropologii*, vol. V, no. 4, pp. 5–14.
- Mead G.H. (1934). Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago: University of Chicago Press.
- Meer N., Modood T., Zapata-Barrero R. (2016) *Interculturalism and Multiculturalism. Debating the Dividing Lines*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press.
- Mezhnacional'noe soglasie kak resurs konsolidacii rossiyskogo obshchestva* (2016) [Interethnic consent as a resource for the consolidation of Russian society]. Otv. red. L.M. Drobizheva. Moscow: Institut sociologii RAN.
- Mezhnacional'noe soglasie v obshcherossijskom i regional'nom izmerenii. Sociokul'turniy i religioznyi konteksty* (2018) [Interethnic consent in the all-Russian and regional dimensions. Socio-cultural and religious contexts]. Otv. red. L.M. Drobizheva. Moscow: FNISC RAN.
- Pain E.A. (2004) *Mezhdu imperiei i naciey. Modernistskiy proekt i ego tradicionalistskaya al'ternativa v nacional'noy politike Rossii* [Between empire and nation. Modernist project and its traditionalist alternative in the national policy of Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Pain E.A. (2017) Upravlenie kul'turnym raznoobraziem: istoricheskie modeli i sovremennaya politika v sfere regulirovaniya etnopoliticheskikh otnosheniy [Management of cultural diversity: historical models and modern policies in the regulation of ethno-political relations]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*, no. 4, pp.77–102.
- Parsons T. (1991) *The Social System*. London: Routledge.
- Porschnev B.F. (1979) *Social'naya psihologiya i istoriya* [Social psychology and history]. Moscow: Nauka.
- Putin V.V. (2012) Rossiya: nacional'niy vopros [Russia: a national question]. *Nezavisimaya gazeta*. 23.01.2012. (http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html).
- Tajfel H., Turner J. (1986) The social identity theory of intergroup behavior. *Psychology of intergroup relation*. Chicago, Written: Nelson-Hall Publishers.
- Terborn G. (2001) Mul'tikul'turnye obshchestva [Multicultural societies]. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 1, no. 1, pp. 50–67.
- Tishkov V.A. (2007) CHto est' Rossiya i Rossiyskiy narod [What is Russia and the Russian people] *Pro et Contra*, no. 3, pp. 21–41.
- Weber M. (1968) *Economy and Society*. New York: Bedminster Press.